

В. Ф. Марцинковский

Распятие и Воскресение

Мы так привыкли к картинам распятия Христа, что уже не чувствуем его ужаса. Как будто оно происходило только в воображении, как будто распятие было только нарисовано, и ко кресту прибивали гвоздями не живое тело с нервами, жилами и кровью, а только его изображение.

Русский художник Н. Н. Ге был неудовлетворен обычными картинами распятия, - от них зритель уходит лишь с умилением; между тем, думал он, надо так изобразить муки Христа, чтобы люди уходили от этого зрелища, раздирая свои сердца.

Крест стал чуть ли не украшением в нашей жизни, - мы почти забыли его потрясающее, трагическое значение.

Помню, в тюрьме я посетил человека, осужденного на казнь за многие убийства. У него на груди было татуировкой сделанное распятие. На мой вопрос: «Что значит это изображение?» он не мог ответить, сославшись на свою неграмотность. «Это у нас, у молодежи, был такой обычай.»

Между тем, возможно иное отношение ко кресту.

Где-то в Африке миссионер проповедовал язычникам. Пока он говорил им о справедливости, о грехе, о Боге - они были равнодушны. Но когда он прочитал им из Евангелия о страданиях Христа - «из глаз дикарей полились слезы» (так он писал и своем воспоминании).

Известно также, как сильно переживал страдания Христовы Франциск Ассизский, (великий христианин XIII в.). Вспоминая о муках Господа, он простирался на землю. Он как бы переживал со Христом Его раны. И вот от чрезвычайного душевного напряжения кровь выступала у него из кровеносных сосудов и просачивалась наружу - на руках и на ногах.

От частого повторения этих ощущений образовались в этих местах его тела наросты. Эти раны называются в медицине стигматами.

Вспомним, что богоборец Ницше, выразивший свой протест против христианства в своей книге «Антихрист», кончил безумием. И видно, что он не мог спокойно представлять себе образ Распятого - совесть не позволяла спокойно отвергнуть Божественную любовь: когда он умирал, из его уст вырвались слова: «О, Распятый»... (Oekreuzigter). Наш русский богоборец Иван Карамзов (один из героев Достоевского) бунтует против мира и Бога, возмущаясь господствующей в мире неправдой; но вот брат его, верующий христианин Алеша, напоминает ему о Том, Кто «за всех и за вся пролил Свою невинную, пречистую кровь» - и отрицатель не возражает ничего, переводя свой разговор на историческое искажение христианства (выраженное устами Великого Инквизитора).

Умом не обнять великой тайны Божественной любви, а сердце склоняется перед ней в молчании. Недаром песнопение, посвященное «страстям Господним», призывает:

«Да молчит всякая плоть человеческая... ибо Царь царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным... Многоочитые херувимы и шестокрылатые серафимы лица свои закрывают» ...

Тот, кто хочет прикоснуться к глубокой тайне креста - пусть подойдет к ней в молчании.

Не в одном молчании уст, которое может сопровождаться криком и ропотом души, но в благоговейном безмолвии, только в его священной тишине можно услышать «Божественную повесть о муках Господа и таинствах любви»...

«И, неся крест Свой, Он вышел».

Пойдем за Ним на Голгофу, и станем там, где распяли Его.

Вслушаемся в слова, которые Христос сказал с креста.

Все Евангелие, которое Он возвещал, когда ходил на земле, Он исповедал в смертный час, запечатлев его Своею кровью. И прежде говорили о Нем, что Он «учил, как власть имеющий». Я будучи на кресте, Он увенчал эту власть навеки.

Он учил о любви к врагам: «Любите врагов ваших, молитесь за обижающих вас».

И мы считаем этот завет Христа в особенности неосуществимым.

Но вот Он, истекая кровью на кресте, молится за своих врагов.

«Отче, прости им, ибо не знают, что делают».

Он молился и об Израиле, которого мы часто считаем единственным виновником распятия Христа.

Между тем, Господь знал, что они это сделали «по неведению», - так как к тому времени уже исказились их понятия о Боге и о Мессии.

Это признал и апостол Петр в своей проповеди к иудеям в Иерусалиме: «Впрочем, я знаю, братья, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению» (Д. Ап. 3, 17). Конечно, вина возможна и в неведении, если человек это неведение вызвал сам. Но Христос молился о прощении этой вины. И разве могла Его молитва быть не услышанной?

И не только Христос так любил своих врагов, но и те, кто последовали за Ним.

Вот, Стефан, - первомученик, иудей, перед синедрионом исповедующий Иисуса Христа, как Господа и Мессию, - побивается камнями. Стоя на коленях среди ожесточенной толпы, мученик молится: «Господи, не вмени им греха сего».

Христос принес на землю Евангелие грешникам.

И вот теперь рядом с ним распятый разбойник.

Он восклицает ко Христу: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое».

И сказал ему Иисус: «Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю».

Один из моих друзей недавно сказал мне: «Из всех моих братьев я наиболее люблю этого разбойника, вошедшего в рай первым: его пример ободряет меня».

Некогда Христос говорил фарисеям: «мытари и блудницы впереди вас идут в Царство Небесное».

«Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».

«Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее».

И до последнего издыхания Он жаждет спасения грешной человеческой души.

Если мы будем знать и переживать только это крестное Евангелие, которое выражено в словах Христа, сказанных разбойнику - мы никогда не потеряем веры в Бога, веры в человека, веры в свое спасение.

С этим Евангелием можно идти в мир, лежащий во зле. Я прочитал тогда в тюрьме эти слова о разбойнике тому русскому смертнику с распятием на груди, и он принял их, как чашу утешения.

Наша Русь, грешная и униженная, доходящая до богоборства в своем безумии - в дни страстей Господних содрагается от слез покаяния, когда слышит гимн Божественной любви:

«Разбойника благоразумного о едином часе раеви сподобил еси, Господи. И мене древом крестным просвети и спаси мя».

Я слышал эти слова в страстной четверг в уголовной московской тюрьме - 28 апр. 1921 г. и никогда не забуду, с каким трепетом русская грешная душа слушает эти слова...

* * *

Христос любил все человечество, и последнего грешника - но не той утопической любовью, которая любит дальних и отвергает ближних.

В своей статье «Светлое Христово Воскресение» Гоголь выражает свое сожаление по поводу того, что человек часто готов обнять все человечество, а в то же время ненавидит

ближнего, живущего с ним рядом. Между тем, согласно слову апостола – «кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим. 5, 8)

* * *

Мать Иисуса стояла у креста, к которому пригвоздили ее Сына. Стояла с сердцем, пронзенным оружием скорби (Mater dolorosa), как некогда предсказал ей старец Симеон.

«И тогда Иисус, увидев Мать и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: «Жено, се Сын Твой». Потом говорит ученику: «Се, Мать Твоя». И с этого времени ученик сей взял Ее к себе».

* * *

Это сказал Иисус, когда смертные муки, казалось, должны были заставить Его забыть все. Эти муки росли и приближались к своему апогею - когда, наконец, Он воскликнул в последней, невыразимой скорби громким голосом: «Элои! Элои! ламма савахфани!» что значит: «Боже мой! Боже мой! для чего Ты меня оставил?»

Представим себе мысленно хотя отчасти всю бездну страданий, которую прошел Христос.

Когда начались они? Об этом мы не можем сказать. Ведь, Он – «Агнец, закланный от создания мира».

Уже схождение Его на землю, обнищание ради нас, уничтожение, «опустошение» себя от Божества (гр. kenosis) ради человека - было началом креста.

И никогда Он не прибегал к чуду для того, чтобы облегчить свой крестный путь.

Он страдал реально, всеми нервами, душой и духом, всем существом.

Он не претворил камни в хлебы - иначе Он не был бы примером для нас, встречающих часто одни голые камни в пустыне этого мира. В ночь взятия под стражу Он не призвал 12 легионов ангелов. «Других спасал, а Себя не может спасти».

Он страдал телом, когда - сплетши терновый венец - били Его по голове, когда целый полк римских солдат бичевал Его. В таком состоянии, истерзанный, Он нес крест, в котором было 5-6 пудов весу. Он падал под его тяжестью - и потому заставили «некоего Симона Киринеянина» нести его.

Там, на Голгофе, под палящим палестинским солнцем воины прибавали Его руки и ноги, разрывая гвоздями ткани и жилы. На кресте тело Его висело, и Он страдал от так называемого смещения внутренностей. Он пил Свою чашу в полном сознании, не облегчая ее никакими одуряющими средствами. «И давали Ему пить вино со смирною, но Он не принял».

Но еще тяжелее были Его душевные и духовные муки. Еще в Гефсимании - Он падал на землю и, «находясь в борении, прилежнее молился. И был пот Его, как капли крови, падающие на землю».

«Душа Моя скорбит смертельно»...

Он пережил отвержение Своими, теми, к кому Он пришел: «Пришел к Своим, и Свои Его не приняли». Не приняли даже вожди, первосвященники и книжники. Они смеялись над Ним, ударяли Его по ланитам, плевали на Него. «И много хулений произносили против Него». Он молчал; ни слова не ответил на насмешки Ирода.

Но пришел момент, когда Он нарушил Свое молчание воплем: «Боже мой! Боже мой! для чего Ты меня оставил?»

Бог действительно оставил тогда Человека - ведь, Он висел на кресте, как грешник, за каждого из нас - хотя «Сам не сделал греха, и не было лжи в устах Его».

Если бы Божеское естество не покинуло Христа, Он бы не умер. Он должен был испить до конца Чашу, принятую добровольно.

Никогда никто из нас не представит себе той бездонной муки, которая объела тогда сердце Иисуса. Как тяжело было бы быть покинутым Богом всякому человеку, который любит Его! Но Христос, Который сказал о Себе: «Я и Отец одно,» - был покинут Своей собственной Природой, так сказать, Самим Собой...

Напрасно умствующие люди, отвергающие Божественность Христа, селятся услышать в этом вопле Христа Его малодушие...

И столь же неосновательно еще в древности еретики (так наз. докетисты) учили, что Христос страдал только «видимо» - смертный вопль, вырвавшийся из глубины тоскующего духа, свидетельствует о реальности крестных мук.

* * *

«После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: «Жажду».

«Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его». «Иисус вкусил уксуса.» «И уксус Тому подают, Чьи воды живые для мира текут» - поется в русском духовном стихе.

Иные слышат в этом слове «жажду» еще другое, внутреннее томление Христа: Он жаждал спасения человека...

С высоты креста Он простирал пронзенными руками объятия всему миру.

«Огонь пришел Я низвесть на землю, и как Я томлюсь, пока сие совершится».

Мы хотим спасения, но лукавый голос отговаривает нас от покаяния, нашептывая сомнение: «Достоин ли ты? Захочет ли Бог принять тебя?»

Но Он для того и пришел, чтобы «взыскать и спасти погибшее». «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши». «Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками».

Он пришел к нам с неба, а не мы к Нему на небо - и нам остается только принять Его призыв.

«Приходящего ко Мне не изгоню вон».

* * *

И еще одно сомнение, отравляющее мир веры, Он рассеял с высоты Голгофы, сказав: «Совершилось».

Спасение совершено (Consummatum est), выполнено.

В Евангелии нет расслабляющих слов «может быть», «вероятно» - но во Христе все «да» и «аминь».

Отсюда уверенность, о которой говорит ап. Павел: «Я знаю, в Кого я уверовал. И уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день».

«Благодатью вы спасены».

«Я считаю нескромным быть так уверенной в своем спасении», сказала одна дама проповеднику Муди. «Сударыня, я считал бы нескромным не доверять слову Божию.»

Две уверенности я имею, благодаря Евангелию: уверенность о себе - что я грешник, погибший без Христа, и уверенность о Нем - что Он совершил мое спасение, и «ничто не отлучит нас от любви Божией во Христе Иисусе».

Эта уверенность отнюдь не устраняет с моей стороны необходимости усилия, бодрствования, самоотречения, веры, действующей любовью - но именно эта уверенность делает мое усилие спокойным, радостным и творческим.

«Совершилось».

* * *

И вслед за этим словом, в котором Христос выразил завершение Своей искупительной миссии, Он сказал: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой».

Даже язычник, римский сотник, стоявший у креста, увидев, что Он, так возгласив, испустил дух, сказал: «Истинно Человек сей был Сын Божий».

Он исшел от Бога и отошел к Богу.

В этом выражается весь идеальный путь нашей жизни, обнимающий ответы на два основных вопроса жизни: откуда? куда?

Мы должны родиться от Бога и в час смерти только передать Ему дух, полученный от Него. Смерть не ужас, а радость, если умирать так, как умирал Христос. Такая смерть предстоит всякому, кто может сказать вместе с Апостолом: «Для меня жизнь Христос, а смерть приобретение».

Недаром христиане молятся о даровании «христианской кончины жизни, непостыдной и мирной» - и для этого призываются в этой жизни «предать всю свою жизнь Христу Богу».

* * *

Так страдал и умирал Христос.

Смертными страданиями Он запечатлел Свое Евангелие любви, подтвердил его крестным Евангелием.

С тех пор эта Божественная мистерия любви стала центром истории, источником вдохновения для искусства, которое пытается сплести мировому Страдальцу венец уже не из колючих терний, а из лучших цветов человеческого творчества.

Гайдн переложил на музыку эти «Семь слов Иисуса».

Васнецов на своей захватывающей картине окружил лик умершего Христа сонмами ангелов, которые в священном трепете как бы силятся проникнуть в тайны Божественной любви.

Стоя на Голгофе у креста, мы можем научиться тому, как жить и как умирать.

На одной картине с изображением Распятия под крестом были написаны слова: «Я это сделал для тебя, а что ты сделал для Меня?»...

Христос умер. И потому что умер Тот, кто есть Смысл, Свет мира и его основание, «земля потряслась» и «солнце померкло».

История свидетельствует, что во время этого землетрясения большая часть домов даже в отдаленной Никее разрушилась.

А о затмении солнца Тертуллиан говорит, что оно произошло без видимой физической причины - ведь, это было время еврейской Пасхи, т. е. полнолуние, а между тем тогда «внезапно день исчез среди полудня» [Тертуллиан «Апология» (римскому сенату)] и «днем... на небе были видны звезды». [Флегонт (у Евсевия)]. (Это произошло в 4 году 202 олимпиады; см. исторические свидетельства Флегонта, Евсевия, Тертуллиана).

Что произошло тогда в большом мире (макрокосме), то продолжается теперь в маленьком мире (микроскоме) каждого отдельного человека....

Христос - ось мира, по выражению даже скептика Ренана. Он также ось, опора твоей души. Если ось не на месте - ты должен переживать шатание, сомнение, растерянность. Наоборот - «находя Христа, мы находим себя», мы находим твердый якорь, который опущен не внутрь корабля, а в твердое, незыблемое дно Божественной сущности.

Христос - «свет мира».

Если «свет» устраняется или отодвигается на задний план, душа блуждает в потемках и подпадает «власти тьмы», впадает в «светопомрачение», внутреннее затмение.

Но «кто последует за Мной, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» - говорит Христос.

Художник Ге хотел нарисовать Распятие таким образом, чтобы зрелище Голгофы потрясло до глубины души. Ни ему и никакому другому художнику это еще не удалось. Но тогда, когда происходило самое Распятие, был потрясен весь мир, содрогнулись люди и камни.

Душа разбойника пережила духовное возрождение.

Языческий воин исповедал Христа, как Сына Божия. Солнце померкло. «Земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов, по воскресении Его вошли в святой град и явились многим. Таким образом потрясение, вызванное Голгофой, коснулось и иного, потустороннего мира. (Новооткрытый фрагмент - отрывок из сочинения Папия Иерапольского, жившего в середине II века, сообщает, что те, которые воскресли из мертвых во время Христа - жили до времени царствования Адриана, 117-138 г.).

«Завеса в храме раздралась надвое, по середине, сверху до низу». - Эта завеса преграждала доступ в Святое Святых, туда, где человек имеет непосредственное общение с Богом.

В ветхозаветное время туда входил первосвященник один раз в год с жертвенной кровью.

Теперь смерть Христа навсегда раздрала эту завесу - оттого в храмах «царские врата», ведущие в алтарь, остаются открытыми в течение всей пасхальной недели, символизируя врата, ведущие в царство Божие. Но действительные «врата небесные» с тех пор не закрываются день и ночь - уже около двух тысяч лет, ибо рука Божия раздрала завесу сверху до низу, и они не будут закрыты весь этот период, который мы можем назвать «днем человека» - так как в это время человеку предоставлена свобода спасения.

Голгофа была поистине всемирным, космическим потрясением. И потому сказано, что «весь народ, сшедшийся на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь»,

И всякий, кто посмотрит на Голгофу из глубины своего падения, которое пригвоздило Христа ко кресту - неизбежно испытает трепет и содрогание.

Воскресение

Христос умер...

«Если Христос не воскрес, то тщетна вера ваша», говорит апостол в письме своем к Коринфской церкви. Если Он умер, то колеблется всякая вера в жизнь, не только у верующих, но и у атеистов.

В романе Достоевского «Идиот» один из героев - Рогожин смотрит на картину Ганса Гольбейна: «Снятие со креста». «Глядя на эту картину,» говорит он, «можно веру в Бога потерять». На картине изображен ужас смерти, - лицо позеленевшего трупного цвета, из полуоткрытых уст виднеются зубы - и как бы несется к небу немой укор...

Другой герой Достоевского, атеист Кирилов (в романе «Бесы»), говорит: «Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «будешь сегодня со Мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдывалось сказанное. Слушай: Этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета со всем, что на ней, без этого человека одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Его такого же и никогда, даже до чуда... В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели Этого, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и дьяволов водевиль.

Для чего же жить? Отвечай, если ты человек?

И потому-то тем более поникли духом те, кто верил в Него, как в Мессию. Они сидели в безутешной печали, в своей горнице, плачущие и рыдающие...

Умерла надежда всего мира. Здесь на земле царствует всепобеждающая тьма и смерть, и мы живем только для кладбища. В этом мире потушены огни...

Но «свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Так возглашается в пасхальную ночь в христианских храмах это победное первоевангелие о слове жизни, о Логосе...

Христос действительно воскрес.

Существуют разумные доказательства этого факта. Сегодня мы не предполагаем на них подробно останавливаться, лишь упомянем некоторые из них.

Когда Христос умер, Его тело было положено в гроб, в пещеру Иосифа Аримафейского.

К гробовому камню была приложена печать, а у гроба поставлена стража из римских воинов.

Все это предприняли первосвященники и старейшины. Они говорили Пилату: «Господин, мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: «после трех дней воскресну»; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: «воскрес из мертвых»...

Между тем, на третий день гроб оказался пустым. И тогда первосвященники «собрались со старейшинами, сделавши совещание, довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали; [Если спали, то не видели; а если видели, то не спали, и тогда - как могли допустить кражу?] и если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его и вас от неприятности избавим. Они, взявши деньги, поступили, как научены были. И пронеслось слово сие между Иудеями даже до сего дня».

Если б гроб не был пуст, то всякую ложную проповедь о воскресении Христа первосвященники легко могли бы опровергнуть, показавши и целую печать и самое тело.

Если же гроб был пуст, то или 1) тело украли ученики, 2) или его унесли враги, 3) или Христос воскрес. Ученики не могли украсть, ибо гроб охранялся римскими воинами, которые подчинялись железной дисциплине. Такое похищение не имело бы никакого смысла для учеников; у них не могло быть ни энергии, ни желания похищать тело Иисуса - ведь они были в панике: еще тогда, когда Иисуса взяли под стражу, они «все, оставив Его, бежали». Его смерть окончательно повергла их в уныние.

Враги не могли Его унести, тем более - ибо опровергать воскресение они могли бы просто показыванием тела, лежащего в гробу, а создавать пустой гроб, это значило бы помогать «слухам» о воскресении.

Если же тело не унесли ни враги, ни друзья, то остается третье - т. е. Христос действительно воскрес.

Логические, умозрительные основания в пользу воскресения подтверждаются следующими историческими фактами.

Некоторое время спустя, после смерти Христа, ученики переживают преображение, которое иначе нельзя объяснить, как только действительным воскресением Христа.

Мы видели, что они, «оставив Его, бежали». Они были в унынии, плаче и рыдании. Даже не пошли вместе с мироносицами помазать тело Иисуса ароматами.

А то, что мироносицы в то утро пошли именно с погребальными ароматами - показывает, что они не ожидали воскресения: «кто отвалит нам камень от двери гроба»? говорили они между собой.

Ученики не поверили свидетельству мироносиц. «И показались им слова их пустыми, и не поверили им» (Лк. 24, И).

Когда Он явился им, они думали, что это дух.

Фома потребовал осязательных доказательств. «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю».

Между тем, вскоре за Его смертью, они свидетельствуют о Его воскресении - называют себя «очевидцами Его воскресения». Он, Которого они приняли за призрак, ел перед ними.

Фома увидел Его раны и воскликнул: «Господь мой и Бог мой».

И вот те самые, которые трусливо покинули своего, учителя, спасаясь бегством в ту ночь предательства - и тот самый Петр, который отрекся от Него - теперь, в день Пятидесятницы, стоят на крыше Иерусалимского дома и проповедуют тысячным толпам - обличают вождей народа в неправде Его убиения и громко свидетельствуют, что Христос воскрес. «Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели» (Д. Ап. 2, 32).

Свидетельствуют десятки лет, до конца жизни, ценою мученической смерти.

Оставляют свое свидетельство в письменном виде, во всех четырех Евангелиях.

И разве не является глава о воскресении торжествующим естественным заключением Евангелия, как радостной вести о любви и вечной жизни? И не потому ли изъятие этих глав всегда будет насильственным отторжением, нарушением одного художественного целого, искажаемого «методом ножниц».

Замечательно, что на проповедь воскресения первосвященники отвечают не расследованием или разоблачением «обмана», - но молчанием. Этого же молчания они требуют от учеников, и только. «И призвавши их, приказали им отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса».

Но какая удивительная сила звучит в ответе Петра (трижды отрекшегося тогда) и Иоанна.

«Судите, справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Д. Ап. 4, 18).

С тех пор всякий, кто нарушит постыдное, равнодушное молчание и добросовестно исследует вопрос, тот узнает неопровержимый и радостный факт Его воскресения.

Замечателен в этом смысле пример апостола Павла. Ведь он жил во время Христа, он ненавидел христиан, он участвовал в убиении первого мученика Стефана; он, как ученый, интеллигентный и влиятельный еврей, имевший письма от первосвященников с правом арестовывать и казнить христиан - располагал возможностью все проверить, исследовать, разоблачить ... хотя бы вопрос об исчезновении тела...

Но он встретил на своем пути в Дамаск Самого Воскресшего - и из гонителя Савла сделался Павлом; по всему миру, - от Иерусалима до Испании, - он неутомимо провозглашал весть о воскресении Христа и мученически умер за это свое учение.

Он изложил все основные факты Евангелия в своих посланиях (из них четыре - к Римлянам, 1-ое и 2-ое к Коринфянам, к Галатам - даже левое крыло отрицательной критики считает произведениями, подлинность которых уже научно удостоверена).

Как объяснить этот переворот в душе Савла, если не было воскресения? С другой стороны факт воскресения Христа делает это удивительное обращение вполне понятным.

Но самым лучшим доказательством действительности воскресения Христа всегда будет то же основание, которое убедило Савла, т. е. личная встреча с воскресшим Господом.

Эта встреча с живым Христом есть та цель, ради которой мы пришли в этот мир. Без нее наша жизненная задача не может быть осуществлена. До тех пор душа и самого лучшего из людей будет плакать у пустого гроба жизни, как плакала Мария Магдалина в то утро: «Унесли Господа моего и не знаю, где положили Его» ...

«Сказавши сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус».

Было еще темно, и слезы застилали ее глаза.

«Иисус говорит ей: жено! что ты плачешь? кого ищешь?»

«Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин, если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария. Она, обратившись, говорит Ему: Раввунни! что значит: Учитель».

На этот «тихий зов в предутреннем сумраке», родной и близкий - вся душа ее встрепенулась, осиянная нечаянной радостью...

Так печаль ее искания преобразилась в радость.

Она осенит рано или поздно всякого, кто ищет глубоко, усердно, со слезами.

Некогда и в мой темный, опустошенный грехом и сомнением мир пролилась радость воскресения - хотя и я сначала принял Его только за «садовника», и лишь позже склонился перед Ним, как перед Спасителем и Господом.

Если бы не было этой встречи в моей жизни, в утро моей юности - я не знал бы той радостной вести, которую хочу сказать теперь.

«Христос воскрес!» Не только в храмовом обряде Великой Субботы черные одежды скорби преобразились в светлые, солнечные ризы духа. Не только в пасхальную ночь должно радоваться ликованию светлой заутрени, всенощным бдением предваряющей грядущий, незакатный день; не только в эти дни открыты «царские врата», ведущие в вечность, и поют малиновым звоном колокола, так что дрожит земля...

Он воскрес - и больше не умирал.

И значит - «кончилось время рыдания - не плачьте» - («рыдания время преста, не плачьте»).

Распятый, Воскресший и Грядущий ... - в этом все опоры нашего прошлого, настоящего и будущего. Когда душа смущена тяжестью прошлого, вспоминай о Распятом, взявшем на себя наши грехи; когда унываешь под бременем настоящего, взирай на Воскресшего, сидящего одесную силы. А тревога о будущем рассеется, как утренний туман, в лучах Иисуса Христа Грядущего.

Итак, справедливость, любовь и жизнь торжествуют над ложью, злобой и смертью. Есть для чего - жить, страдать и умирать. В Евангелии все правда, каждое чудо - потому что и наибольшее из них действительно осуществилось. Голгофа не трагическая смерть героя, а искупительная жертва за грешников. Мы искуплены кровью Его. И теперь, отныне мы призываемся следовать заветам Воскресшего... «Радуйтесь... Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари... Кто будет веровать и креститься, спасен будет...»

В этом труде благовествования мы не одиноки и уже никогда не будем оставлены сиротами: «Се, Я с вами во все дни, до скончания века». И там, где двое или трое собраны во имя Его, Он реально присутствует, как и обещал (Мар. 18, 20).

Встретивший Его на пути в Дамаск, Савл впоследствии пишет к Евреям: «Он жив ... чтобы ходатайствовать за нас». «Мы ожидаем явления Господа нашего Иисуса Христа» (1 Кор. 1, 7).

Воскресение произошло рано, на заре: когда взошло солнце, мироносицы уже не нашли Его во гробе.

Взошло Солнце духовное, незакатное.

Вспыхнул огонь неугасимый вечной жизни. (Русское слово воскресение происходит от слова кресить - высекать огонь; отсюда - кресало).

Из гроба встал Воскреситель с тем, чтобы вызывать к жизни тех, кто, как мертвые души, прозябают в могиле одинокого, грешного, унылого существования; «будьте не мертвые души, но живые; - нет двери, кроме указанной Иисусом Христом», говорит Гоголь, автор поэмы «Мертвые души», в своей «Переписке с друзьями».

И весь вопрос для каждого из нас состоит в том, чтобы радость воскресения Христа стала песнью нашей души, чтобы Он сделался Воскресителем каждого из нас.

Нет пути к этой радости помимо Голгофы.

Там у креста мы должны пережить полную переоценку себя и Христа.

Среди тех, кто стоял у креста, было три группы, людей: одни распинали Его во имя своего самолюбия, своего ума, даже во имя своей религии - это фарисеи, саддукеи, книжники и первосвященники.

Не продолжаем ли и мы гордо проходить мимо Голгофы, венчая чело Спасителя тернами своего греха или пронзая Божие Тело «копьями своего разума» - умствуя своим жалким рассудком над великой тайной искупления?

Другая группа - просто зрители. Это те люди, которые думают, как Пилат, сохранить нейтральное отношение ко Христу и «умывают руки». Но, как и Пилат, они в минуту искушения, рано или поздно окажутся в числе предающих Его на распятие. Этим подтверждаются Его слова: «кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает».

Но есть еще одна группа у креста: это те, кто на стороне Христа. Они, как Мария, Мать Его, и Иоанн стоят в безмолвной скорби.

Они принимают Его крестную любовь, как непостижимую тайну. Они исповедуют свой грех перед Ним: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в царствие Твое».

Они поклоняются Его страданиям и потом радуются Его воскресению.

С вершины Голгофы, от подножия креста они идут в этот земной мир с одним желанием – «жить для Умершего за них и Воскресшего». Идут «участвовать в страданиях Христа», разделить Его мученичество, чтобы участвовать потом в Его славе.

*«Вчера я до утра читал божественную повесть
О муках Господа и таинствах любви -
И негодующая совесть терзала помыслы мои:
Чего мы ждем еще? Какого откровенья?
Зачем же прячем мы под маскою сомненья клеймо порока?»*

(Льдов)

Ждать ли нам иного, более благоприятного дня или более зрелого возраста?

Не лучше ли в утро юности принести ароматы своей души Тому, Кто отдал Себя за каждого из нас?

*«Я это сделал для тебя -
А что ты сделал для Меня?»*

Поэтому - согласно апостольскому зову – «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос».